

МЕЖДУНАРОДНОЕ МОРСКОЕ ПРАВО

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-4-106-118>Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 03.02.2020
Принята к публикации: 10.11.2020**Глазова Анастасия Петровна**

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Мясницкая ул., 20, Москва, 101000, Российская Федерация

angla.1892@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-7789-9323

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА НА МОРЕ: ВОПРОСЫ ЮРИСДИКЦИИ

ВВЕДЕНИЕ. В настоящее время государства могут применять на море комплекс принудительных мер правоохранительного характера¹ с целью противодействия таким противоправным явлениям, как пиратство, работоторговля, незаконный оборот наркотиков, незаконная перевозка мигрантов и т.д. Однако в ходе реализации данных мер камнем преткновения становится осуществление юрисдикций государствами в пределах различных морских пространств. Государству, пытающемуся реализовать правоохранительную функцию на море, нельзя игнорировать тот факт, что возможность создавать нормы права и обеспечивать их реальное исполнение зависит не только от его воли, но и от ограничений, накладываемых международным правом. Поэтому сохранение баланса между разграничением морских районов и необходимостью осуществлять правоохранительную функцию закономерно влечет за собой потребность определить сущность и содержание понятия «юрисдикция государства» в пределах различных морских пространств, а также выявить специфические черты данной правовой категории. Настоящая статья посвящена рассмотрению соответствующих вопросов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В ходе исследования автор использует исторический, догматический, сравнительно-правовой методы, а также метод анализа и синтеза. Основное внимание сфокусировано на нормах международного договорного и обычного права, а также национального права, регулирующих вопросы, связанные с применением принудительных мер правоохранительного характера на море. Помимо этого исследованы доктринальные работы по теме – как отечественных, так и зарубежных юристов-международников.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Автор приходит к выводу, что территориальная юрисдикция в пределах морской территории не является абсолютной. Определение юрисдикции как экстратерриториальной не является достаточным, поскольку в случае возникновения конфликта юрисдикций требуются дополнительные правовые критерии для его разрешения. Классификация экстратерриториальной юрисдикции в зависимости от принципов, на которых она основывается, также не решает проблему, поскольку некоторые принципы, такие как защитный или универсальный, в свою очередь, требуют дополнительных критериев, чтобы стать действенным инстру-

¹ В частности, такие меры, как остановка и осмотр судна, преследование по горячим следам и т.д.

ментом для преодоления правовой неопределенности.

Автор отмечает, что право на территориальную юрисдикцию в пределах морских пространств, как правило, обуславливает возможность осуществлять законодательную и исполнительную юрисдикции, которые также не носят абсолютного характера. Осуществление экстратерриториальной законодательной или исполнительной юрисдикции на море потенциально допустимо лишь на основе норм международного права, для решения какой-либо конкретной задачи, к примеру, правоохранительной.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Основная проблема заключается в том, что предложенные международно-правовой наукой разновидности юрисдикций лишь дополняют друг друга, не объясняя, почему выбор того или иного образа действий должен стать предпочтительным в случае коллизии. Сложившаяся неопределенность оказывает значительное влияние на институт принудительных

мер правоохранительного характера на море. В отсутствие стандартов их осуществления, правоприменитель вынужден учитывать ряд факторов при принятии решения об осуществлении принудительных мер правоохранительного характера в пределах морских пространств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: принудительные меры правоохранительного характера, морские пространства, суверенитет государства, территориальная юрисдикция, экстратерриториальная юрисдикция, законодательная юрисдикция, исполнительная юрисдикция, суверенные права, суверенитет.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Глазова А.П. 2020. Применение принудительных мер правоохранительного характера на море: вопросы юрисдикции. – Московский журнал международного права. № 4. С. 106–118. DOI: 10.24833 / 0869-0049-2020-4-106-118

INTERNATIONAL LAW OF THE SEA

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-4-106-118>

Anastasia P. Glazova

National Research University Higher School of Economics,
20, Myasnitckaya Ulitsa, Moscow, Russian Federation, 101000
angla.1892@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7789-9323

Research article
Received 03.02.2020
Approved 10.11.2020

GENERAL ISSUES OF THE EXERCISE OF JURISDICTION IN THE PROCESS OF APPLICATION OF LAW ENFORCEMENT MEASURES AT SEA

INTRODUCTION. Currently, states can apply a whole range of law enforcement measures at sea in order to prevent such unlawful phenomena as piracy, slave trade, drug trafficking, migrant smuggling, etc. However, the problem of the exercise of jurisdiction by states within various maritime areas is the main sticking point during the implementation of these measures.

In an attempt to exercise the law enforcement function at sea, the state can't ignore the fact that its ability to create legal norms and ensure their effective implementation depends not only on its will as a sovereign, but also on the restrictions imposed by international law. Therefore, maintaining a balance between limiting the "territorialization" of maritime areas and the need to

carry out a law enforcement function logically entails the need to determine the nature and content of the concept of “jurisdiction of the state” within different maritime areas, as well as to identify specific features of this legal category. The present article focuses on this and other related issues.

MATERIALS AND METHODS. Historical and comparative analysis along with dogmatic research approach were used in the research process and the entire research is well grounded in focusing on the norms of international treaty law and customary law. In addition to that this research focuses on the norms of national law governing issues related to the application of law enforcement measurement at the sea. Apart from those given material and methodical inputs, the doctrinal works of the relevant jurists have been used in this research.

RESEARCH RESULTS. The author comes to an alternative conclusion that territorial jurisdiction within the maritime territory is not absolute, which is due, apparently, the principle of freedom of the high seas which have a longer support by the international community. The definition of jurisdiction as extraterritorial is not self-sufficient, since in case of conflict of jurisdictions, additional legal criteria are required to resolve such a conflict. The classification of extraterritorial jurisdiction depending on the principles on which it is based also does not solve the problem, since some principles, such as protective or universal, in turn, require additional criteria in order to become a self-sufficient tool to overcome legal uncertainty. The author notes that the

ability to exercise territorial jurisdiction within maritime areas, as a rule, determines the ability to exercise legislative and executive jurisdiction, which are also not absolute. The exercise of extraterritorial legislative or executive jurisdiction at sea is potentially permissible only on the basis of international law to solve a specific function, for example, law enforcement.

DISCUSSION AND CONCLUSION. The main problem of the varieties of jurisdiction proposed by international legal science is that each of them only supplements each other, describing a possible choice, but not explaining why a particular choice should be preferred in case of conflict. It is obvious that current uncertainty has created some severe impacts upon the institution of law enforcement measures at sea as a result of the absence of standards for enforcement measures that could make a balance to the mechanism. Hence the law enforcer has to be cautious with a number of factors in deciding the implementation of law enforcement measures within the sea.

KEYWORDS: law enforcement measures, maritime areas, territorial jurisdiction, extraterritorial jurisdiction, legislative jurisdiction, executive jurisdiction, state's sovereignty, sovereign rights, sovereignty

FOR CITATION: Glazova A.P. General Issues of the Exercise of Jurisdiction in the Process of Application of Law Enforcement Measures at Sea. – Moscow Journal of International Law. 2020. No. 4. P. 106–118. DOI: 10.24833 / 0869-0049-2020-4-106-118

1. Введение

Сегодня понятию «юрисдикция государства» в доктрине международного права уделено достаточно много внимания, хотя общепризнанное понимание данного термина отсутствует². В то же время попытки обосновать процесс установления и осуществления государствами юрисдикций на море превращаются в своеобразное логическое упражнение, поскольку сама возможность государств созда-

вать нормы права и обеспечивать их реальное исполнение в пределах водного пространства между материками кажется дискуссионной. А. Ширер (Ivan A. Shearer) отмечает, что уже первые исследователи пределов юрисдикции государств на море проводили различие между такими терминами, как *dominium* («владение, собственность») и *imperium* («способность осуществлять контроль») [Shearer 2014:51-52]. Как видим, автор весьма вольно обращается с терминами *dominium* и *imperium*, в отличие от клас-

² См.: Каюмова А.Р. 2016. Уголовная юрисдикция в международном праве: вопросы теории и практики: Дисс. ... д. юрид. наук. Казань. С. 24. В своем исследовании автор делает вывод, что различные вариации использования термина «юрисдикция» привели к формированию широкого и узкого его толкования в доктринальных источниках. По мнению автора, «при расширительном толковании юрисдикция отождествляется с компетенцией – комплексом полномочий государства. В узком значении юрисдикция рассматривается как сфера регулирования общественных отношений, или ограничена правоприменительной деятельностью». См.: Каюмова А.Р. 2016. Уголовная юрисдикция в международном праве: вопросы теории и практики: Дисс. ... д. юрид. наук. Казань. С. 37.

сической традиции более точного понимания понятийного аппарата правового режима территории [Задорожный 1987:156–160].

Д. О'Коннелл (D. O'Connell) обращает внимание на то, что в доктрине, которая установилась к 1700 г. и просуществовала в течение следующих двухсот пятидесяти лет, право собственности (*dominium*) и право управления (*imperium*) на море могли существовать только в сочетании и объединялись под одним термином «юрисдикция», из чего следовало, что иностранные корабли были вне досягаемости прибрежного государства за пределами его территории [O'Connell 1982:14–18]. Вновь обращаем внимание на далеко не строгое обращение автором с применимым понятийным аппаратом: в международном морском праве, в т.ч. в его обычных нормах, со времен Ивана Грозного нет права собственности на морские пространства (хотя притязания на такую собственность имели место). Тем более нет права собственности на море по современному международному морскому праву³ [Саваськов 2017:192–210].

С середины XX века в Конвенции о континентальном шельфе и в Конвенции о территориальном море и прилегающей зоне начинает прослеживаться принципиальное различие между суверенитетом и юрисдикцией [Shearer 2014:54]. К примеру, в ч. 1 ст. 2 Конвенции о континентальном шельфе указано, что «прибрежное государство осуществляет над континентальным шельфом *суверенные права* в целях разведки и разработки его естественных богатств»⁴. По мнению А. Ширера, термин «суверенные права» был разработан, чтобы подчеркнуть, что право на континентальный шельф присуще суверенитету, которым государство обладает в отношении естественного продолжения своей территории под морем, однако его суверенитет может не распространяться на водную и воздушную территорию над шельфом [Shearer 2014:54]. Прилегающая зона в соответствии с ч. 1 ст. 24 Конвенции о территориальном море и прилегающей зоне является «юрисдикционной зоной»⁵. Автор называет ее почему-то «полицейской зоной» (*police zone*) [Shearer 2014:56], хотя это очевидная неточность: в данной зоне прибрежному государству предо-

ставлено право осуществлять контроль, необходимый для предотвращения нарушения его таможенных, налоговых, иммиграционных или санитарных правил. Понятно, что санитарные власти и полиция – это не одно и то же.

В ходе Третьей конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву (1973–1982) была предпринята попытка согласовать претензии государств на суверенитет и юрисдикцию с традиционными свободами открытого моря. Это проявилось, к примеру, в установлении прав государств в исключительной экономической зоне, которые являются суверенными по отношению к природным ресурсам, но юрисдикционными по отношению к другим видам использования [Shearer 2014:51].

Как видно, в ответ на постепенное увеличение контроля государств над все большим объемом океана потребовалось разделение водной территории планеты на соответствующие зоны (в терминологии Конвенции ООН по морскому праву – морские пространства), в которых государства обладают правами, полученными в силу международного права. Двадцатый век привел к тому, что осуществление юрисдикции в пределах морских пространств стало намного более сложным явлением. Некоторые авторы попытались обосновать его с помощью «отделения власти от суверенитета» [O'Connell 1984:734]. Одни заявляют, что суверенитет – это «право на власть» [Осветимская 2017:159]. Понятно, что такое определение не совсем корректно, учитывая классическое понятие «суверенитет» в международном праве [Vylegzhanin, Potier, Torkunova 2020:6–25]. Другие отмечают, что юрисдикция – это «проявление власти» [Gavouneli 2007:6], которое не ограничивается территориальным верховенством государства, а зачастую выходит за пределы его территории [Каюмова 2008:13]. Медленное увеличение контроля государств над постепенно расширяющимися морскими территориями, в отношении которых такой контроль можно осуществлять, получило название «ползучей юрисдикции» (*creeping jurisdiction*). Этот процесс, как полагает ряд авторов, не остановился и с принятием Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. [Кае 2006:347–348].

³ Саваськов П.В. 2018. Международное морское право. *Международное право*. Ч. 2. Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М.: Юрайт. С. 192–219.

⁴ Конвенция о континентальном шельфе от 29.04.1958 г.: офиц. текст., ст. 2 // Офиц. Сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/conts.pdf (дата обращения 24.11.2019).

⁵ См.: Конвенция о территориальном море и прилегающей зоне от 29.04.1958 г.: офиц. текст., ст. 24 // Офиц. Сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/tsea.pdf (дата обращения 24.11.2019).

Суверенитет гарантирует верховенство власти; юрисдикция же, являясь закономерным продолжением суверенитета, тем не менее, обладает такими характеристиками, как объем и пределы действия. Появление договорных и обычных норм, наделяющих государства возможностями по установлению юрисдикций в пределах морской территории, породило старую дилемму: где заканчиваются права одних и начинаются права других? Предложенные международно-правовой наукой разновидности юрисдикций государств явились ответом на вопрос, что представляет собой мир, «разделенный на юрисдикционные части».

2. Территориальная и экстратерриториальная юрисдикция: трудности перевода

Классификация юрисдикций по действию в пространстве на *территориальную* (в пределах территории государства) и *экстратерриториальную* (за пределами территории государства) осуществляется в основном в рамках международного уголовного права такими авторами, как А.Р. Каюмова⁶, И.И. Лукашук, А.В. Наумов⁷, Ю.С. Ромашев [Ромашев 2010:41]⁸, и с позиций теории международного права: Р. Хиггинс (R. Higgins) [Higgins 1994:74], О.С. Черниченко⁹, М. Шоу (M. Shaw)¹⁰.

Главное ограничение, которое действует в международном праве, заключается в том, что государство не может осуществлять свою власть на территории другого государства, кроме как в силу разрешительной нормы, вытекающей из международного обычая или конвенции, и в этом смысле юрисдикция, без сомнения, является территориальной [Allott 1983:18-19]. Особенность установления юрисдикции государства и ее осуществления в пределах его водной территории [O'Connell 1984:733], а именно внутренних вод, территориального моря, архипелажных вод и международных проливов (или их частей), на-

ходящихся в пределах территории государства, заключается в том, что такие воды – это территория с национальным правовым режимом.

Тем не менее в территориальном море прибрежного государства все же можно проследить процесс «перетягивания каната»¹¹ в ходе установления юрисдикции прибрежным государством и государством флага судна. С одной стороны, согласно ст. 27 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. прибрежные государства могут осуществлять свою юрисдикцию в территориальном море, к примеру, когда последствия преступления распространяются на прибрежное государство или когда преступление имеет целью нарушить спокойствие в стране или добрый порядок в территориальном море¹². С другой стороны, в соответствии со ст. 17 Конвенции ООН по морскому праву, суда всех государств, как прибрежных, так и не имеющих выхода к морю, пользуются в территориальном море правом мирного прохода, которое, как отмечает ряд авторов, не имеет такой длительной поддержки в истории морского права, как полагают некоторые [Shearer 2014:54].

Не вызывает сомнений тот факт, что в пределах своей территории государства обладают наиболее широкими возможностями по установлению юрисдикции, поэтому в морских зонах национальной юрисдикции прибрежное государство осуществляет территориальную юрисдикцию со всеми вытекающими из этого преференциями. Следует отметить, что территориальная юрисдикция в пределах морской территории не является абсолютной. Приходится признавать соответствующие ограничения, налагаемые международным правом, в чем и проявляется особенность территориальной юрисдикции прибрежного государства в отношении своей водной территории.

Термин «экстратерриториальная юрисдикция» используется в случае проявления суверенитета государства за пределами его терри-

⁶ См.: Каюмова А.Р. 2016. Уголовная юрисдикция в международном праве: вопросы теории и практики: Дисс. ... д. юрид. наук. Казань. С. 48.

⁷ См.: Лукашук И.И., Наумов А.В. 1999. Международное уголовное право: учебник. М.: Спарк. С. 38-39.

⁸ Экстратерриториальная в редакции автора.

⁹ См.: Черниченко О. С. 2003. Международно-правовые аспекты юрисдикции государств : Дисс. ... канд. юрид. наук. Москва. С. 10.

¹⁰ См.: Shaw M.N. 2017. International Law. Cambridge: Cambridge University Press. P. 483-489.

¹¹ Данный термин используется М. Гавунели по отношению к Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. в ее исследовании. См.: [Gavouneli 2007:1].

¹² Конвенция ООН по морскому праву от 10.12.1982 г.: офиц. текст., ст. 27 // Офиц. Сайт ООН. URL: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения 11.12.2019).

тории¹³. Чаще всего экстратерриториальная юрисдикция осуществляется государствами в открытом море – пространстве, не входящем в состав территории какого-либо государства.

Проблема определения юрисдикции как «экстратерриториальной» заключается не только в том, что данный термин используется для описания ситуации, в которой можно наблюдать проявление суверенитета государства за пределами его территории. Это само по себе уже является уязвимой аргументацией. В ситуации, когда гражданин государства А совершает правонарушение на судне под флагом государства Б в прилегающей зоне государства В, появляется сразу несколько субъектов, претендующих на экстратерриториальную юрисдикцию, поэтому, чтобы разрешить конфликт юрисдикций, необходимы дополнительные правовые критерии для выбора между ними.

Соответствующими правовыми критериями в результате стали *принципы, на которых экстратерриториальная юрисдикция может основываться*. Принято различать юрисдикцию, основанную на территориальном принципе, личном активном принципе, личном пассивном принципе, на охранительном принципе и универсальную юрисдикцию [Ромашев 2010:40], [Черниченко 1992:30–32].

Личный активный принцип имеет значение для распространения юрисдикции государства на определенную категорию лиц вне его территории, имеющих с ним тесную связь. Применительно к правоохранительной деятельности на море можно отметить следующее. Судно имеет национальность того государства, под флагом которого оно ходит¹⁴, однако командный состав и члены судовой команды судна могут быть гражданами другого государства. Иногда ситуация осложняется нахождением судна под «удобным флагом». Проблемы, связанные с его использованием, достаточно подробно исследованы в научной литературе [Бабурина, Грасс 2013:52–57], [Куткович 2016:19–24], [Агарков, Перегородова 2017:636–642], но факт остается фактом: только

под флагом Панама (страны, у которой нет продолжительной истории мореплавания) сейчас ходит около 8600 судов, тогда как США имеет около 3400 зарегистрированных судов, а Китай – около 3700¹⁵. В случае если член командного состава или судовой команды совершает правонарушение за пределами территории государства, гражданином которого он является (на борту морского судна, на территории иностранного государства и т.д.), то возникает возможность говорить о потенциальном праве такого государства осуществлять свою юрисдикцию на основе личного активного принципа. Вполне возможно, что данный принцип имеет свои преимущества в случае, если юрисдикция будет осуществляться государством, которое гарантирует право на справедливое судебное разбирательство. Однако вероятно и обратное, когда государство, не гарантирующее уважение прав человека, будет также отстаивать юрисдикцию, лишая подозреваемого соответствующих прав [Ireland-Piper 2012:12].

Личный пассивный принцип является основой для распространения юрисдикции государства на иностранных лиц или лиц без гражданства в случае совершения ими правонарушения в отношении граждан данного государства. Нельзя не отметить, что принцип также является достаточно спорным, поскольку ряд государств, к примеру, США [Watson 1993:3] и Великобритания¹⁶, не признают осуществление юрисдикции по соответствующему основанию в отношении собственных граждан. Тем не менее, как отмечают некоторые исследователи, противоречивость данного принципа может быть «сглажена» согласием государства, на территории которого совершено правонарушение [Watson 1997:71].

Юрисдикция, основанная на *охранительном (защитном) принципе*, распространяется на иностранцев, совершивших за границей действия, угрожающие безопасности государства¹⁷. Как отмечают Ю.С. Ромашев и Д.В. Фетищев, государства используют данный принцип ограниченно, поскольку всегда есть опасность расширитель-

¹³ См.: Черниченко О. С. 2003. Международно-правовые аспекты юрисдикции государств : Дисс. ... канд. юрид. наук. Москва. С.78.

¹⁴ См.: Конвенция ООН по морскому праву от 10.12.1982 г.: офиц. текст, ст. 91 // Офиц. Сайт ООН. URL: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения 10.01.2020).

¹⁵ См.: Почему флаг Панама так удобен для судовладельцев? // URL: https://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2014/08/140810_ru_s_panama_fleet (дата обращения 11.01.2020).

¹⁶ См.: Shaw M.N. 2008. International Law. Cambridge, Cambridge University Press. P. 665.

¹⁷ См.: Черниченко О.С. 2003. Международно-правовые аспекты юрисдикции государств : Дисс. ... канд. юрид. наук. Москва. С. 48.

ного толкования терминов «безопасность» или «жизненно важные интересы» [Ромашев, Фетищев 2009:16].

Наконец, *принцип универсальной юрисдикции* предполагает, что государство может осуществлять юрисдикцию в отношении отдельных правонарушений независимо от какой-либо связи с этим государством или интересов других государств. Наиболее распространенным примером установления универсальной юрисдикции является борьба с пиратством, причем, как утверждает Ю.С. Ромашев, Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. и Джибутийский кодекс поведения предоставляют государствам возможность осуществлять юрисдикцию именно в отношении иностранных судов, поскольку «государства в силу своих суверенных прав могут и даже должны и без этих положений устанавливать и осуществлять свою юрисдикцию на борту пиратских судов, плавающих под их флагом в открытом море» [Ромашев 2013:93].

Активизация пиратства и вооруженного разбоя против судов у берегов Сомали вынудила Совет Безопасности ООН в резолюции 1897 (2009) призвать государства и международные организации участвовать в борьбе с данными явлениями и направлять в этот район военные корабли, вооружения, авиацию, а также конфисковать и распоряжаться надлежащим образом катерами, судами, оружием и другими подобного рода средствами, которые использовались или (когда есть достаточные основания для подозрения в этом) могут использоваться для совершения актов пиратства и вооруженного разбоя на море у побережья Сомали¹⁸. Среди прочего главный орган ООН указал, что положения соответствующей резолюции не должны рассматриваться как устанавливающие нормы обычного международного права¹⁹. Вместе с тем международные обычаи продолжают и в настоящее время играть роль стержневых международно-правовых оснований действий государств в море против пиратов [Vylegzhanin, Anyanova 2020:25–37]. Кроме того, следует признать, что Совет Безопасности в соответствии с Уставом ООН создавался как орган, основной задачей которого было обеспечение мира, а не как орган, претворяющий право в

жизнь (“...The UN Charter did not make the Council the general enforcer of the law, just the enforcer of the peace...”) [O’Connell 2008:166]. Тем не менее еще в резолюции СБ 1816 (2008) было отмечено, что акты пиратства и вооруженного разбоя против судов в территориальных водах Сомали и в открытом море у побережья страны усугубляют ситуацию в Сомали, которая представляет собой угрозу для международного мира и безопасности в регионе²⁰. Именно это предоставило возможность Совету Безопасности подтвердить свою компетенцию для решения данной проблемы. Резолюции Совета Безопасности и согласие прибрежного государства позволили международному сообществу осуществлять экстерриториальную юрисдикцию не только в пределах территории с международным или смешанным режимом, но и в пределах морской территории соответствующего прибрежного государства.

Тем не менее некоторые исследователи полагают, что на практике в отношении сомалийских пиратов государства осуществляют юрисдикцию только в том случае, если они либо их партнеры в соглашениях о преследовании за пиратство имеют тесную связь с преступлением, а также исходят из необходимости защиты судов своего флага. [Garrod 2019:637]. Именно поэтому юрисдикция в отношении сомалийских пиратов не может считаться универсальной, более того, концепция универсальной юрисдикции (как и все остальные) требует переосмысления. [Garrod 2019:561, 637]

Очевидно, что конкретизация термина «экстерриториальная юрисдикция» с помощью *принципов, на которых она основывается*, направлена на обеспечение надлежащих границ и формальных критериев, обосновывающих ее осуществление. Однако некоторые принципы, такие как защитный или универсальный, в свою очередь, требуют дополнительных критериев, чтобы стать достаточным инструментом для преодоления неопределенности, возникающей в связи обозначением юрисдикции как «экстерриториальной». Неудивительно, что в научной литературе появляются утверждения о том, что юрисдикция в отношении судов не является ни территориальной, ни экстерриториальной, а

¹⁸ См.: Резолюция Совета Безопасности ООН S/RES/1897 (2009).

¹⁹ См.: Резолюция Совета Безопасности ООН S/RES/1897 (2009); и далее в Резолюции Совета Безопасности ООН S/RES/1918 (2010).

²⁰ См.: Резолюция Совета Безопасности ООН S/RES/1816 (2008).

скорее юрисдикцией *sui generis*, единственным способом регулировать «сверхмобильные структуры», которые являются достаточно свободными, чтобы изменить их территориальную принадлежность [Szigeti 2019:43]²¹.

В основе осуществления принудительных мер правоохранительного характера на море лежит концепция юрисдикции, однако можно ли ожидать, что заложенные «неустойчивые» начала одного института не повлияют на развитие другого? В силу отсутствия стандартов применения принудительных мер, способных сбалансировать данный механизм, на практике осуществление экстратерриториальной юрисдикции, а значит, и принудительных мер правоохранительного характера на море, становится возможным лишь с учетом целого ряда факторов, а именно: правового статуса объектов и субъектов правоохранительной деятельности, правового режима конкретного морского пространства, в котором юрисдикция осуществляется, а также наличия установленной юрисдикции в отношении преступлений и иных правонарушений в соответствии с обязательствами государств согласно общему международному праву и договорам заинтересованных государств. Кроме этого, необходимо принимать во внимание решения Совета Безопасности ООН, касающиеся случаев, когда совершаемые преступления носят массовый характер и представляют угрозу миру и безопасности, и, наконец, следует проанализировать возможности реализации такой юрисдикции согласно международному праву.

3. Законодательная и исполнительная юрисдикция: переход в другую плоскость

Несколько иная цель ставится при разграничении юрисдикций *в зависимости от характера власти*. Такая классификация представляет собой попытку не столько «отделить суверенитет от власти», сколько определить, что собой представляет «территориальная и экстратерриториальная власть» – власть устанавливать правила или власть обеспечивать выполнение этих правил? В этом смысле принято выделять юрисдикцию

законодательную (*предписательную*) («возможность и допустимость ожидать осуществления [государством] своих правовых велений посредством указания на сферу действия таких велений и требовать их осуществления») и *исполнительную* («определяемая государством возможность и допустимость обеспечения осуществления своих правовых велений посредством применения мер принуждения»)[Черниченко 1992:21].

Как правило, классификация юрисдикций в зависимости от характера власти применительно к деятельности в пределах различных морских пространств используется вместе с рассмотренными ранее. Это заставляет думать, что границы законодательной (предписательной) и исполнительной юрисдикций в целях борьбы с преступлениями и иными правонарушениями на море могут не совпадать [Ромашев 2015:87]. Возможность осуществлять территориальную юрисдикцию, как правило, обуславливает и возможность предписывать нормы права и принуждать к выполнению этих норм. С другой стороны, осуществление экстратерриториальной юрисдикции редко коррелирует с возможностью осуществлять как законодательную, так и исполнительную юрисдикцию.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 21 Конвенции прибрежное государство может *устанавливать законы и правила*, относящиеся к мирному проходу через территориальное море; касающиеся безопасности судоходства и регулирования движения судов, защиты навигационных средств и оборудования, а также других сооружений и установок, защиты кабелей и трубопроводов, сохранения живых ресурсов моря и т.д.²² Одновременно с этим в соответствии со ст. 25 Конвенции прибрежное государство имеет право предпринимать *необходимые меры* для недопущения прохода судна, не являющегося мирным²³, перечень которых, однако, не определен и оставлен на усмотрение прибрежного государства. На практике это означает, что оно может попросить иностранное судно покинуть территориальные воды, либо иностранное судно может быть остановлено, осмотрено, задержано и доставлено в порт для возбуждения со-

²¹ "It is a *sui generis* jurisdictional link, the only way to regulate 'hypermobile entities' that are free enough to change their territorial subjecthood in any case".

²² См.: Конвенция ООН по морскому праву от 10.12.1982 г.: офиц. текст, ст. 21 // Офиц. Сайт ООН. URL: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения 16.01.2020).

²³ См.: Конвенция ООН по морскому праву от 10.12.1982 г.: офиц. текст, ст. 25 // Офиц. Сайт ООН. URL: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения 16.01.2020).

ответствующего производства (уголовного или административного).

Право мирного прохода через территориальное море прибрежного государства словно уравнивающий элемент между интересами государства флага и прибрежного государства, в статичном состоянии гарантирует иностранному судну иммунитет от юрисдикции прибрежного государства. Однако нарушение баланса (проход, не являющийся мирным; совершение преступления, последствия которого распространяются на прибрежное государство и т.п.) приводит к автоматическому перевесу в пользу прибрежного государства, что является закономерным следствием территориальной юрисдикции вкупе с законодательной и исполнительной.

Произойдет ли такой же автоматический перевес в пользу прибрежного государства, когда речь будет идти о «нарушении баланса» в отношениях «прибрежное государство – иное заинтересованное государство» за пределами его морской территории – в прилегающей зоне, исключительной экономической зоне или открытом море? Только с согласия других равных суверенных участников охранительного правоотношения или международного сообщества в целом и только потому, что исполнительная юрисдикция государства как субъекта международного права является единственным возможным (правомерным) инструментом для восстановления существовавшего «правопорядка океанов».

К примеру, как было отмечено ранее, в прилегающей зоне государства имеют возможность осуществлять контроль, необходимый для предотвращения нарушений таможенных, фискальных, иммиграционных или санитарных законов и правил в пределах их территорий²⁴. Из этого, очевидно, следует невозможность прибрежного государства распространять на прилегающую зону действие законов, регулирующих вопросы, не связанные с таможенными, фискальными, иммиграционными или санитарными вопросами. С меньшей очевидностью из этого следует, что государство не может также принимать законы и правила, касающиеся таможенных, фискальных,

иммиграционных или санитарных вопросов в пределах прилегающей зоны, поскольку, как было отмечено, прилегающая зона не является частью территории прибрежного государства [Gavouneli 2007:3].

Является ли возможность осуществлять контроль исполнительной юрисдикцией в полном смысле этого слова? Как отметил Дж. Фицморис (G. Fitzmaurice), контроль не означает юрисдикцию, он означает власть полицейского, а не администратора или судьи²⁵, т.е. власть, по сути, надзорную и превентивную, поскольку правонарушение еще не совершено и намерение «контролирующего» состоит в том, чтобы избежать его совершения впоследствии, когда судно окажется в территориальных водах прибрежного государства [Fitzmaurice 1959:113-114]. В таком случае прибрежное государство может остановить и осмотреть подозрительное судно, однако есть ли у него полномочия, чтобы арестовать судно и сопроводить его в порт? Как отвечает на этот вопрос Дж. Фицморис, иностранное судно на этапе нахождения в прилегающей зоне *ex hypothesi* не совершило преступления в пределах территории прибрежного государства, кроме того, расследование предполагаемого нарушения должно производиться на этапе нахождения судна в прилегающей зоне, поэтому ни арест, ни конвоирование его в порт осуществляться не должны [Fitzmaurice 1959:114-115].

После того как естественная тенденция расширения власти империй была ограничена международным правом, совершение правонарушения за пределами государственной территории может повлечь соразмерный ответ только в том случае, если он предусмотрен международным правом. Таким образом, в целом международное право сдерживает юрисдикцию прибрежного государства за пределами его территории, но в то же время наделяет его определенными «функциями» для восстановления нарушенного «правопорядка океанов»²⁶.

Нахождение баланса между взаимоисключающими, на первый взгляд, решениями наиболее отчетливо проявилось в пределах открытого моря, в котором правовое регулирование

²⁴ Конвенция ООН по морскому праву от 10.12.1982 г.: офиц. текст, ст. 33 // Офиц. Сайт ООН. URL: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения 11.04.2019).

²⁵ "It is therefore control, not jurisdiction, that is exercised. The power is primarily that of the policeman, rather than of the administrator or of the judge".

²⁶ И в этом смысле юрисдикция прибрежного государства действительно является функциональной См.: См.: [Gavouneli 2007:286].

осуществляется международным сообществом в целом, что позволяет обеспечить к данному району равный доступ для всеобщей выгоды. В случае совершения правонарушения иностранное государство может осуществлять юрисдикцию лишь при наличии согласия государства флага, которое закреплено в международном обычае или международном договоре или получено тем или иным способом [Ромашев 2015:88]. Исключением являются случаи противодействия пиратству, работоторговле, несанкционированному вещанию. Тем не менее, по мнению некоторых исследователей, для современного международного морского права все более характерным становится стремление к безопасности, поэтому осуществление государствами юрисдикции в пределах открытого моря сводится к вопросу, как повысить безопасность путем потери некоторых свобод, чтобы в конечном счете эти свободы защитить [Fink 2018:63].

Возможность осуществлять территориальную юрисдикцию в пределах морских пространств, как правило, обуславливает возможность осуществлять законодательную и исполнительную юрисдикцию, которые также не носят абсолютного характера. Осуществление экстерриториальной законодательной или исполнительной юрисдикции на море потенциально допустимо лишь на основе норм международного права для решения какой-либо конкретной функции, к примеру, правоохранительной.

4. Заключение

Проблема всех предложенных международно-правовой наукой разновидностей юрисдикций заключается в том, что каждая конкретная из них лишь дополняет друг друга, описывая возможный выбор, но не объясняя, почему тот или иной выбор должен стать предпочтительным. Каким образом может быть разрешен конфликт, если несколько государств будут претендовать на осуществление юрисдикции, к примеру, на основе личного пассивного или активного принципа, а также каким образом решить проблему, если преступление порождает за собой универсальную юрисдикцию, из чего следует, что сразу несколько государств будут обладать юрисдикцией вне зависимости от места совершения пре-

ступления и связи с этим преступлением? Следует ли отдавать приоритет территориальности [Ромашев 2015:90], исполнительной юрисдикции государства флага судна [Ромашев 2015:90] или в каждом конкретном случае нужно определять, какая из юрисдикций реально осуществима [Черниченко 1992:33]? Или, возможно, решение конфликта может быть найдено лишь за пределами формального международного права [Maier 1996:64, 69]?

Примером инструмента для разрешения конфликта юрисдикций может выступать правило разумного подхода (“jurisdictional reasonableness or the rule of reason”), которое предполагает, что даже при наличии соответствующей традиционной основы для установления юрисдикции, в случае чрезмерности (другое государство проявляет значительный интерес к утверждению юрисдикции) или необоснованности, такое установление не будет правомерным (...“assertion will not be proper if it is exorbitant or unreasonable...”) [Blakesley 1982:1112]. По мнению С. Рингаерта, такие принципы международного права, как невмешательство, пропорциональность, злоупотребление правами, равенство и реальная связь могут подкрепить правило разумного подхода, что позволит говорить о нем как об общем принципе международного права [Ryngaert 2008:180], поскольку единообразная практика государств, свидетельствующая о применении данного правила, отсутствует [Ryngaert 2008:178]. Однако слабой стороной «подкрепляющих принципов» является то, что их содержание определяется взаимоисключающими подходами, что впоследствии может привести к разработке заключения об установлении юрисдикции, которое будет одновременно юридически корректным и юридически уязвимым²⁷.

В конечном счете приходится констатировать, что возникновение разновидностей морских пространств, имеющих различный правовой статус и правовой режим, появление «зон национальной юрисдикции» и «зон за пределами национальной юрисдикции» [O’Connell 1984b:733], противостояние принципов свободы открытого моря, флага и невмешательства стремлению государств осуществлять эффективное противодействие правонарушениям на море, а также обеспечить свою безопасность породило

²⁷ См., например, диссертацию Г. Вайпана о принципе пропорциональности в международном праве: Вайпан Г. В. Принцип пропорциональности в современном международном праве : Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2017. – С.14.

не просто «разделенное на юрисдикционные части» пространство, но, скорее, «лоскутное одеяло»²⁸ или калейдоскоп юрисдикционных зон, в которых осуществление правоохранительных функций становится непростой задачей как для

прибрежного государства, так и для международного сообщества в целом, и различные взаимодополняющие разновидности юрисдикций государства прекрасно иллюстрируют этот тезис.

Список литературы

- Агарков С.А., Перегородова О.В. 2017. Проблемы формирования среды обитания рыбного хозяйства. – *Вестник мурманского государственного технического университета*. № 3 (том 20). С. 636–642.
- Бабурин О.Н., Грасс Е.Ю. 2013. Современное состояние и проблемы морского транспорта России. – *Проблемы. Поиск. Решения*. № 16 (205). С. 52–57.
- Задорожный Г.П. 1987. Территория и международное право. – *Международное право*. Отв. ред. Ф.И. Кожевников. М.: Международные отношения. С. 156–176.
- Каюмова А.Р. 2008. Суверенитет и юрисдикция государства: проблемы соотношения. – *Конституционное и муниципальное право*. № 9. С. 12–15.
- Куткович Т.М. 2016. Удобный флаг в мировом судоходстве: причины перехода и пути возврата под национальный. – *Актуальные проблемы науки и практики современного общества*. № 3. С. 19–24.
- Осветимская И.И. 2017. Государственный суверенитет: содержание и преобразование в условиях глобализации. – *Известия ВУЗов. Правоведение*. №2 (331). С. 150–166.
- Ромашев Ю. С., Фетищев Д. В. 2009. *Юрисдикция государств в правоохранительной сфере*. М.: Научная книга. 47 с.
- Ромашев Ю.С. 2010. *Международное правоохранительное право*. М.: Норма : Инфра-М. 367 с.
- Ромашев Ю.С. 2013. *Борьба с пиратством и вооруженным разбоем на море (правовые основы и практика)*. М.: Транслит. 336 с.
- Ромашев Ю.С. 2015. Особенности установления и осуществления государствами своей юрисдикции в правоохранительной сфере. – *Государство и право*. № 5. С. 82–91.
- Черниченко С.В. 1992. Субъективные границы международного права, суверенитет и юрисдикция государств. – *Советский ежегодник международного права*. 1989–90–91. Советская Ассоциация международного права. М.: Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева». С. 19–37.
- Allott P.J. 1983. Power-sharing in the Law of the Sea. – *American Journal of International Law*. Vol. 77. Issue 1. P. 1–30.
- Blakesley C.L. 1982. United States Jurisdiction Over Extraterritorial Crime. – *The Journal of Criminal Law & Criminology*. Vol. 73. Issue 3. P. 1109–1163.
- Fink M. 2018. *Maritime Interception and the Law of Naval Operations*. The Hague, The Netherlands: T.M.C. Asser Press. 317 p.
- Fitzmaurice G. 1959. Some Results of the Geneva Conference on the Law of the Sea. Part I. The Territorial Sea and Contiguous Zone and Related Topics. – *The International and Comparative Law Quarterly*. Vol. 8. Issue 1. P. 73–121.
- Garrod M. 2019. The Emergence of “Universal Jurisdiction” in Response to Somali Piracy: An Empirically Informed Critique of International Law’s “Paradigmatic” Universal Jurisdiction Crime. – *Chinese Journal of International Law*. Vol. 18. Issue 3. P. 551–643.
- Gavouneli M. 2007. *Functional Jurisdiction in the Law of the Sea*. Leiden, The Netherlands: Martinus Nijhoff Publishers. 286 p.
- Higgins R. 1994. *Problems and Process: International Law and How We Use It*. Oxford: Oxford University Press. 304 p.
- Ireland-Piper D. 2012. Extraterritorial Criminal Jurisdiction: Does the Long Arm of the Law Undermine the Rule of Law. – *Melbourne Journal of International Law*. Vol. 13. Issue 1. P. 1–36.
- Kaye S. 2006. Freedom of Navigation in a Post 9/11 World: Security and Creeping Jurisdiction. – *The Law of the Sea: Progress and Prospects*. Oxford: Oxford University Press. 465 p.
- Maier H.G. 1996. *Jurisdictional Rules in Customary International Law. – Extraterritorial Jurisdiction in Theory and Practice*. The Hague: Kluwer Law International. 262 p.
- O’Connell D.P. 1982. *The International Law of the Sea: Volume I*. Oxford: Clarendon Press. 634 p.
- O’Connell D.P. 1984. *The International Law of the Sea: Volume II*. Oxford: Oxford University Press. 1202 p.
- O’Connell M. E. 2008. *The Power and Purpose of International Law: Insights from the Theory and Practice of Enforcement*. Oxford: Oxford University Press. 408 p.
- Ryngaert C. 2008. *Jurisdiction in International Law*. Oxford: Oxford University Press, 272 p.
- Shearer I. 2014. The Limits of Maritime Jurisdiction. – *The Limits of Maritime Jurisdiction*. Leiden, The Netherlands: Martinus Nijhoff Publishers, 794 p.
- Szigei P. D. 2019. *In the Middle of Nowhere: The Futile Quest to Distinguish Territoriality from Extraterritoriality*, in Margolies et al. (eds.) *The Extraterritoriality of Law: History, Theory, Politics*. London: Routledge. 243 p.
- Vylegzhanin A.N., Anyanova E.S. 2020. International Law Versus Piracy: Issues in Legal Theory. – *International Journal of Psychosocial Rehabilitation*. Vol. 24. Issue 01. P. 6–25.
- Vylegzhanin A.N., Potier T., Torkunova E.A. 2020. Towards Cementing International Law through Renaissance of the United Nations Charter. – *Moscow Journal of International Law*. № 1. P. 6–25.
- Watson G.R. 1993. The Passive Personality Principle. – *Texas International Law Journal*. Vol. 28. Issue 1. P. 1–46.
- Watson G.R. 1997. Offenders Abroad: The Case for Nationality-Based Criminal Jurisdiction. – *Yale Journal of International Law*. Vol. 17. Issue 41. P.41–84.

²⁸ Данным термином автор обязан исследованию Г. Уотсона См.: Watson G.R. Offenders Abroad: The Case for Nationality-Based Criminal Jurisdiction // *Yale Journal of International Law*. – 1997. – Vol. 17. – № 41. – С. 52. (1–46)

References

- Agarkov S.A., Peregorodova O.V. Problemy formirovaniya sredi obitaniya rybnogo khozyaistva [Problems of formation a living environment for fish farm]. – *Bulletin of the Murmansk State Technical University*. 2017. No. 3 (Vol. 20) P. 636–642 (in Russ.)
- Allott P.J. Power-sharing in the Law of the Sea. – *American Journal of International Law*. 1983. Vol. 77. Issue 1. P. 1–30. (in Russ.)
- Baburina O.N., Grass E. Ju. Sovremennoe sostoyanie i problemy morskogo transporta Rossii [The current state and problems of maritime transport in Russia]. – *Problems. Search. Solutions*. 2013. No. 16 (205). P. 52–57. (in Russ.)
- Blakesley C.L. United States Jurisdiction Over Extraterritorial Crime. – *The Journal of Criminal Law & Criminology*. 1982. Vol. 73. Issue 3. P. 1109–1163.
- Chernichenko S.V. 1992. Sub"ektivnye granitsy mezhdunarodnogo prava, suverenitet i yurisdiksiya gosudarstv [Subjective boundaries of international law, sovereignty and jurisdiction of states]. – *The Soviet Yearbook of International Law*. 1989-90-91. Sovetskaja Associaciya mezhdunarodnogo prava. – M.: Social'no-kommercheskaja firma «Rossija-Neva» Publ. P. 19–37. (in Russ.)
- Fink M. *Maritime Interception and the Law of Naval Operations*. The Hague, The Netherlands: T.M.C. Asser Press. 2018. 317 p.
- Fitzmaurice G. Some Results of the Geneva Conference on the Law of the Sea. Part I. The Territorial Sea and Contiguous Zone and Related Topics. – *The International and Comparative Law Quarterly*. 1959. Vol. 8. Issue 1. P. 73–121.
- Garrod M. The Emergence of “Universal Jurisdiction” in Response to Somali Piracy: An Empirically Informed Critique of International Law’s “Paradigmatic” Universal Jurisdiction Crime. – *Chinese Journal of International Law*. 2019. Vol. 18. Issue 3. P. 551–643.
- Gavouneli M. *Functional Jurisdiction in the Law of the Sea*. Leiden, The Netherlands: Martinus Nijhoff Publishers. 2007. 286 p.
- Higgins R. *Problems and Process: International Law and How We Use It*. Oxford: Oxford University Press. 1994. 304 p.
- Ireland-Piper D. Extraterritorial Criminal Jurisdiction: Does the Long Arm of the Law Undermine the Rule of Law. – *Melbourne Journal of International Law*. 2012. Vol. 13. Issue 1. P. 1–36.
- Kayumova A.R. Suverenitet i yurisdiksiya gosudarstva: problemy sootnosheniya [State sovereignty and jurisdiction: problems of the correlation]. – *Constitutional and municipal law*. 2008. No. 9. P. 12–15. (in Russ.)
- Kaye S. Freedom of Navigation in a Post 9/11 World: Security and Creeping Jurisdiction. – *The Law of the Sea: Progress and Prospects*. Oxford: Oxford University Press. 2006. 465 p.
- Kutkovich T.M. Udobnyi flag v mirovom sudokhodstve: prichiny perekhoda i puti vozvrata pod natsional'nyi [Flag of convenience in world shipping: the reasons for the transition and the return path under the national]. – *Aktual'nye problemy nauki i praktiki sovremennogo obshchestva*. 2016. No. 3. P. 19–24. (in Russ.)
- Maier H.G. Jurisdictional Rules in Customary International Law – *Extraterritorial Jurisdiction in Theory and Practice*. The Hague: Kluwer Law International. 1996. 262 p.
- O'Connell D.P. *The International Law of the Sea: Volume I*. Oxford: Clarendon Press. 1982. 634 p.
- O'Connell D.P. *The International Law of the Sea: Volume II*. Oxford: Oxford University Press. 1984. 1202 p.
- O'Connell M. E. *The Power and Purpose of International Law: Insights from the Theory and Practice of Enforcement*. Oxford: Oxford University Press. 2008. 408 p.
- Osvetimskaya I.I. Gosudarstvennyi suverenitet: sodержanie i preobrazovanie v usloviyakh globalizatsii [State sovereignty: content and transformation in the context of globalization]. – *Izvestiya VUZov. Pravovedenie*. 2017. No. 2 (331). P. 150–166. (in Russ.)
- Romashev Yu. S., Fetishchev D. V. *Yurisdiksiya gosudarstv v pravookhranitel'noi sfere* [Jurisdiction of states in law enforcement area]. M.: Nauchnaya kniga Publ. 2009. 47 p. (in Russ.)
- Romashev Yu. S. *Bor'ba s piratstvom i vooruzhennym razboem na more (pravovye osnovy i praktika)* [Combating piracy and armed robbery at sea (legal basis and practice)]. M.: TransLit Publ. 2013. 336 p. (in Russ.)
- Romashev Yu.S. *Mezhdunarodnoe pravookhranitel'noe pravo* [International law enforcement]. M.: Norma: Infra-M Publ. 2010. 367 p. (in Russ.)
- Romashev Yu. S. Osobennosti ustanovleniya i osushchestvleniya gosudarstvami svoei yurisdiksii v pravookhranitel'noi sfere. [Features of the assertion and implementation by states of their jurisdiction in the law enforcement sphere]. – *State and law*. 2015. No. 5. P. 82–91. (in Russ.)
- Ryngaert C. *Jurisdiction in International Law*. Oxford, Oxford University Press. 2008. 272 p.
- Shearer I. The Limits of Maritime Jurisdiction. – *The Limits of Maritime Jurisdiction*. Leiden, The Netherlands: Martinus Nijhoff Publishers. 2014. 794 p.
- Szigeti P. D. In the Middle of Nowhere: The Futile Quest to Distinguish Territoriality from Extraterritoriality – *The Extraterritoriality of Law: History, Theory, Politics*. (Margolies et al. (eds.)). London: Routledge. 2019. 243 p.
- Vylegzhanin A.N., Anyanova E.S. International Law Versus Piracy: Issues in Legal Theory. – *International Journal of Psychosocial Rehabilitation*. 2020. Vol. 24. Issue 01. P. 6–25.
- Vylegzhanin A.N., Potier T., Torkunova E.A. Towards Cementing International Law through Renaissance of the United Nations Charter. – *Moscow Journal of International Law*. 2020. No. 1. P. 6–25.
- Watson G.R. Offenders Abroad: The Case for Nationality-Based Criminal Jurisdiction. – *Yale Journal of International Law*. 1997. Vol. 17. Issue 41. P. 41–84.
- Watson G.R. The Passive Personality Principle. – *Texas International Law Journal*. 1993. Vol. 28. Issue 1. P. 1–446.
- Zadorozhnyi G.P. Territoriya i mezhdunarodnoe parvo [Territory and International Law]. – *Mezhdunarodnoe pravo*. Otv. red. F.I. Kozhevnikov. [International Law. Ed.-in-chief Kozhevnikov F.I.] M.: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 1987. P. 156–176.

Информация об авторе

Анастасия Петровна Глазова,
Аспирантка,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101000, Российская Федерация, Москва, Мясницкая ул., д. 20

angla.1892@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7789-9323

About the Author

Anastasia P. Glazova,
PhD Student,
National Research University Higher School of Economics

20, Myasnitskaya Ulitsa, Moscow, Russian Federation, 101000

angla.1892@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7789-9323